

Džindžolija, Gigla

Понимание любви в пословицах и поговорках русского языка (на материале словарей В. И. Даля)

Новая русистика. 2020, vol. 13, iss. 1, pp. 17-27

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2020-1-2>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/142771>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Понимание любви в пословицах и поговорках русского языка (на материале словарей В. И. Даля)

The Understanding of Love in Russian Proverbs (Based on V. I. Dal's Dictionaries)

Гигла Джинджолия

(Пльзень, Чешская Республика)

Abstract:

Based on the material of Russian proverbs, the article explores the semantic qualities of the word 'love'. Love in proverbs is interpreted through visual and gustatory images. It is common to liken love to a person's physical condition, their state or symptoms of an illness. Associations with animals ('clean' and 'unclean') are frequent as well. Love is seen through the 'prism' of different actions (for example, the bride-seeing ceremony, engagement et al.). Typical characteristics of love are its valued nature, 'omnipotence', willingness to sacrifice, readiness to forgive, compassion et al.

Key words:

proverb; semantic quality of a word; cultural semantics of a word; concept; conceptual analysis; conceptualisation

Любовь относится к числу ключевых понятий культуры. Понятие *любви* рассматривается в фундаментальных работах Ю. С. Степанова [STEPANOV 1997], А. Вежбицкой [VEŽBICKAJA 1996], Ю. Д. Апресяна и В. А. Апресян [APRESJAN, Ju. D., APRESJAN, V. Ju. 1993; APRESJAN 2002], С. М. Толстой [TOLSTAJA 2012], А. Д. Шмелева [ŠMELEV 2002], Анны А. Зализняк [ZALIZNJAK 2005; ZALIZNJAK 2007], Г. Н. Склярёвской [SKLJAREVSKAJA 2013], С. Г. Воркачева [BORKAČEV 1995; BORKAČEV 2007], Т. И. Вендиной [VENDINA 2007] и др.

Существуют различные направления исследований: *любовь* как «константа» культуры [STEPANOV 1997, 279–303]; толкование эмоциональных концептов [VEŽBICKAJA 1996]; метафора в семантическом представлении эмоций [APRESJAN, Ju. D., APRESJAN, V. Ju. 1993, 27–35]; *любить, обожать* [APRESJAN 2002, 522–526]; лексическое и семантическое наполнение «сферы любви» в славянских языках [TOLSTAJA 2012, 587–597]; *любовь и счастье* в русской языковой картине мира [ŠMELEV 2002, 170–180]; *любовь и сочувствие* [ZALIZNJAK 2005, 205–226; ZALIZNJAK, LEVONTINA 2005, 226–238]; *любовь и сочувствие* в романе Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» [ZALIZNJAK 2013, 431–437]; концепт *любви* в христианском понимании [SKLJAREVSKAJA 2013, 104–112]; национально-культурная специфика концепта *любви* в русской и испанской паремиологии [BORKAČEV 1995, 124–140]; понятийная, метафорически-образная и значимостная составляющие семантики концепта *любовь* [BORKAČEV 2007]; концепт *любви* сквозь призму старославянского, русского книжного (церковнославянского) и современного русского языков [VENDINA 2007, 219–270]; концепт *любовь* в этнолингвистическом освещении (на болгарском и инославянском материале) [SEDAKOVA 2018, 472–490]; а также — концепты *любовь и ненависть* в русском и американском языковом сознаниях [BALAŠOVA 2004]; лингвокультурологическая специфика понятия *любовь* (на материале русского и немецкого языков) [VILMS 1997]; фразеологизмы со значением *любви* в русском и английском языках [LEPECHINA 2009]; концепт *любовь* в идиостиле А. С. Пушкина (на примере стихотворных произведений и их переводов на немецкий язык) [ŠIROKOVA 2006] и др.

Цель статьи — установить набор семантических признаков *любви* и на конкретных примерах рассмотреть средства и способы ее осмысления в пословицах и поговорках русского языка.

Материал исследования — более 500 единиц, отобранных из «Пословиц и поговорок русского народа» [DAL' 1997] и «Толкового словаря живого великорусского языка» [DAL' 1996] В. И. Даля.

В основе концептуализации эмоций лежит «единый принцип уподобления того, что недоступно прямому наблюдению, тому, что может наблюдаться более непосредственно» [APRESJAN, Ju. D., APRESJAN, V. Ju. 1993, 33]. Непосредственно

наблюдаемое оказывается ключом к тому, что происходит в душе человека [APRESJAN, Ju. D., APRESJAN, V. Ju. 1993, 33].

Принцип «визуализации» непосредственно ненаблюдаемого является базой, основой для концептуализации *любви* в пословицах и поговорках русского языка.

Пословицы и поговорки не только образно описывают *любовь*, но и принимают на себя функцию кода культуры. Мы стремились показать, как это происходит, каким образом *любовь* наделяется признаками, которые служат ключом к ее пониманию в народной культуре.

Кодами осмысления *любви* в пословицах и поговорках выступают зрительные вкусовые, зоонимические, пищевые, растительные и др. образы.

Чрезвычайно важным является **зрительный код**. Можно сказать, что *любовь* в пословицах и поговорках «зрительно ориентирована». Характерно уподобление *любовь* — *глаза, очи, зрение*. Глаза наделены способностью «зачинать», зарождают «сердечную привязанность», которая не «поддается контролю»: *Любовь начинается с глаз; Глазами влюбляются; Темны ноченьки, да светлы оченьки; Горе мне с вами, с карими очами; С больного места не сходит рука, а с любимого — глаза.*

Обращает на себя внимание зависимость зрительного восприятия от участников ситуации. Ситуация может описываться как с точки зрения женщины, так и с точки зрения мужчины:

1. *Речисты у милого глаза;*
2. *Глаза говорят, глаза слушают;*
3. *Не пил бы, не ел, все б на милую глядел;*
4. *Он на нее не наглядится;*
5. *Она им не надышится.*

Женщины и мужчины по-разному воспринимают друг друга. Женщина в *милом* выделяет глаза, которые являются для нее выражением «скрытых смыслов» и «намека» (*примеры 1 и 2*). Мужчина не видит «намеков» и не замечает «деталей». Описание *милой* сводится к общей эмоциональной оценке. *Милая* для него «неизреченна». Он наслаждается ее созерцанием, «рассматриванием»; «зрительное притяжение» к *милой* сильнее жизненно важных потребностей (*примеры 3 и 4*).

В некоторых случаях зрительное восприятие *милой* сопровождается изменением внутреннего состояния мужчины (*сам не свой стал, голова вкруг пошла*): *Как увидел, так сам не свой стал; Как увидел, так голова вкруг пошла.*

Как и зрение, важным кодом осмысления *любви* выступает слепота. *Любовь* наделяется признаком «неспособность замечать недостатки любимого/любимой»: *Любовь слепа; Любовь ни зги не видит; Любовь может и слепа быть —*

черное за белое почитает. В некоторых случаях отсутствие зрения (как и слуха) оценивается как «положительное» качество: *У доброй девки ни ушей, ни глаз.*

Глаголы зрительного восприятия *поглядывай, взглядывай* могут иметь значение «беспокоиться, заботиться, опекать; относиться с сердцем»: *Жена, ты любить не люби, а поглядывай; Хоть не люби, только почаще взглядывай* (т. е. угождай, служи); *Любить хоть не люби, да почаще взглядывай.* Мотив заботы и опеки, по словам С. М. Толстой, связан с «акциональным» компонентом любви, т. е. предполагает «определенное поведение по отношению к объекту любви — внимание» [TOLSTAJA 2012, 591–592].

Зрение имеет глубокую внутреннюю связь с сердцем: *Куда сердце летит, туда око бежит.* По словам П. Флоренского, сердце помогает увидеть Бога, принять и почувствовать Его [FLORENSKIJ 1990]. Любовь понимается как Бог, уподобляется свету и сиянию: *Любовь — Бог; Где любовь, там и Бог; Любовь — свет; Где любовь, там и свет.* Такое понимание любви восходит к христианской традиции [TOLSTAJA 2012, 593–594]. Божья любовь противопоставляется человеческой: *Божья любовь безгранична; Божья любовь не человеческой чета; Любовь человеческая себя любит, а Божеская друга.*

Любовь имеет «**вкусовые регистры**» осмысления:

1. *Женатого целовать не сладко;*
2. *С любимой целоваться, что медом упиваться;*
3. *Несолоно хлебать, что немилото целовать;*
4. *Несолоно есть, что с немилым целоваться.*

Сладкое и *соленое* оцениваются как положительные качества (примеры 1 и 2) и противопоставляются «неприятным» вкусам — *несладкому, пресному, безвкусному* (примеры 3 и 4). Через вкусовые образы, относящиеся к сфере любви, утверждаются этические заповеди, предписания и установки со знаком плюс и знаком минус.

Связь со *сладким* не случайна. *Сладость* — весьма позитивное качество, которое в народной культуре приписывается самым различным реалиям [КАВАКОВА 2005]. *Сладкое* выступает как символ добрых отношений в семье, согласия, любви и счастливого брака [GURA 2011, 715]. А. В. Гура в работе «Брак и свадьба в славянской народной культуре. Семантика и символика» пишет: «В свадебном обряде сладкое присутствует уже начиная со сватовства. Так, в Амурской области сваты, отправляясь сватать невесту, *идут на сахар* — несут сладкое, мед, сахар в качестве угощения для невесты и ее подруг. У болгар Пиринского края в день оповещения о помолвке невеста угощала всех сахаром, присланным ей до этого женихом. У русских жених привозил невесте и ее подругам различные сладости (пряники, конфеты и т. п.) в качестве

гостинцев на смотрины и обручение, но чаще в качестве предсвадебного стговора, особенно в канун или в день свадьбы» [GURA 2011, 713]. По мнению Г. И. Кабаковой, «сладкое соотносится преимущественно с женским началом и имеет эротическую коннотацию, а одаривание сладким имеет существенное значение в процессе сближения полов» [КАВАКОВА 2005].

В корпусе пословиц и поговорок, воплощающих понятие *любви*, нет единиц, непосредственно связанных с семантикой *горького* и *кислого*, хотя такая семантика, как показали А. В. Гура и Г. И. Кабакова, широко распространена в качестве вкусового кода в языке и культуре, в том числе в поговорках и свадебном обряде [GURA 2011; КАВАКОВА 2005].

Продуктивным способом осмысления *любви* является ее «**опредмечивание**», **наделение свойствами предметов**. К предметам, которые фигурируют в пословицах и поговорках, относятся различные украшения, предметы одежды, сельскохозяйственные орудия и др.: *сережки, рубашка, одnorядка* (старинная русская мужская одежда: однобортный кафтан без воротника), *бусы, ожерелье, кольцо, плуг, камень, платок, замок, запор* и др. Предметы наделяются символическим значением, т. е. «из всего набора свойств, признаков реалии (предмета, действия) выбирается один признак, и он становится доминирующим и как бы подавляет все остальные», «становится символом чего-то, некоторого смысла» [TOLSTAJA 2010, 10]. Так, форма кольца становится символом бесконечности: *Любовь — кольцо, а у кольца нет конца*. Символизируются признаки «то, что придает красивый вид» и «ценный», свойственные украшениям: *Смиренье — девичье ожерелье; Девичье терпение — жемчужное ожерелье; Для милого дружка и сережку из ушка; Хороши марьяны (бусы), да девки не скрасят*. Доминирующим признаком может быть назначение предмета (*платок*): *Батюшка покров, покровь землю снежком, меня молодую **платком** (женишком)*. В случае *плуга* таким признаком является «такой, который не устаёт что-то делать»: *Новый друг, что неустанный плуг*. Механизм «опредмечивания» оценочен: *Мое сердце в тебе, а твоё в **камени**; **Замок** да **запор** девки не удержат*.

Любовь концептуализируется через **зоонимические образы**. Пословицы и поговорки «перенаселены» животными, птицами, насекомыми и рыбами. Наиболее характерные ассоциации — *телята* (влюбленные), *agneц, лебедь, утица (уточка), пчела, райская птица, горлица, сокол, пава*, а также *курица, кочет, коза, козел, кукушка, сова, «тарань-рыба* и др.

«Чистые» животные и птицы, к которым относятся *agneц, голубь, горлица, соловей, лебедь, пава и павлин, утица* и др., являются воплощением добра, кротости, верности и красоты и противопоставляются зловещим птицам — *сове, кукушке*, «нечистым» животным — *козе, козлу* [GURA 1997, 612] или такому опасному животному, к которому относится *волк*.

Наиболее почитаемые животные и птицы: Смиренная, как **агнец**; делова, что **пчела**; красна, что **райская птица**; верна, что **горлица**; Идет, словно **павушка** плывет; Грудь **лебедина**, походка **павлина**, очи **соколы**, брови **собольи**; Серая **утица** — охота моя, красна девица — **заснобушка** моя; Ты, **голубка**, не сдавайся, правым крылышком **отбивайся**; Как **телята**: где сойдутся, там и лижутя; **Уточки** серые, девушки сенные, жучки в епанечках.

«Нечистым» животным (коза, козел) могут уподобляться «девка» и парень: Где **козы** во дворе, там **козел** без зову в гостях; **Коза** во дворе, так **козел** через тын глядит; Пора **козу** на торг вести (пора девке замуж); Все, как **козы**, вверх (через тын) глядят; Лакома **овца** к соли, **коза** к воле, а девушка к новой любви; Девки не люди, **козы** не скотина.

Парень иногда ассоциируется с волком, а «девка» — с «теля»: Мило **волку теля**, да где ж его взять?

Пословицы и поговорки отражают негативную оценочность, которая закреплена за «нечистыми» птицами в народной культуре: Как **кукушка**, по чужим гнездам летает; Полюбится **сова** лучше ясного **сокола**. Как показал А. В. Гура, эти птицы в народной культуре наделяются признаком одиночества (безбрачия) [GURA 1997, 586–589]. **Сова** — злоеющая птица, которая «своим появлением возле дома предвещает смерть» (или несчастье) [GURA 1997, 586–589].

«Засидевшаяся в девках» или «костлявая девка» ассоциируются с «нечистыми» и «непривлекательными» животными: В **девках** засиделась, так на том свете **козлов** паси; **Костлявая девка** — **тарань-рыба**.

Пение петуха толкуется к рождению ребенка: Поет **кочеток**, весть подает про милый животок. Через образы **петуха** и **курицы** утверждается необходимость сохранения сложившихся норм свадебного ритуала: **Девка** не **курица**, а **парень** не **кочет**, не жениться им, где кто захочет.

Любовь осмысливается через **пищевые ассоциации** (продукты питания, напитки, кушанья, приготовление и потребление пищи, отношение к пище) («хлеб с водою», «рыба с перцем», вино, брага, пиво и др.): **Хлеб с водою**, зато милый с тобою; **Паранюшка** сердце, **вари рыбу с перцем**; **Пей вино**, да не **брагу**; люби девку, а не бабу; **Пить пива** — не беда, а любить девку — нет вреда; **Не наестся куском**, не нажиться (не натешиться) с дружкой; **Не приестся хороший кусок**, не прискучит хороший дружок; **Ешь с голоду**, люби с молоду.

Любовь рассматривается в «призме» различных действий, обычно ритуального характера (например, смотрины невесты и др.). В пословице как малом фольклорном жанре происходит «сжатие» действия. Например, пословица **Жених на двор, а пняцы на стол** описывает ситуацию смотрины невесты в ее доме. Невеста должна положить на стол приспособление для вышивания (**пняцы**) или что-либо другое, что покажет ее

хорошей хозяйкой и мастерицей. На действия подобного рода нацеливает и пословица *Занавестилась дочь, так росписи готовь*. Надо приготовить *росписи*, выполненные рукой девушки, чтобы «стимулировать» смотрины.

Символическое значение имеют действия, направленные на сохранение женской чести: *Держи девку в кувшине, а выглянет, так пестом; Держи деньги в темноте, а девку в тесноте*.

Актуализируются действия, относящиеся к гаданию, к идее брака и венчания: *Ей бы перед зеркальцем погадать* (пора замуж); *Суженый, ряженный, дай на себя поглядеть*.

Любовь рассматривается через мужские действия насильственного характера и состояние женщины, которая подверглась таким действиям: *Милый ударит — тела прибавит; Милый побьет, только потешит; Милого побои недолго болят; Милого побои не на кости; Любит, как душу, а трясет, как грушу*. Возможны действия «насильственного» характера со стороны женщины: *Девка парня извела под свой норов*.

Средства персонального кода — имена собственные и лексика, называющая родственные отношения (муж, жена, мать, отец, «батюшка», свекровь, сын, дочь и др.): *Задурили Катька с Митей; Муж пьяница, да жена красавица — все хорошо; Лоб, что свекровин кулак; Богданушке все батюшки; Она бает: приди, бает; он бает: мать узнает; она бает: давно знает*.

Любовь описывается через **растительные образы** (дуб, цветы, трава, грибы, ягоды, малина и др.): *Без тебя не цветно цветы растут, не красно дубы растут в дубравушке; Из милости ступает, травы не мнет; ненароком взглянет, что рублем подарит; С кем по грибки, с тем и по ягодки; Цвели цветки, да поблекли; любил молодец красну девицу, да покинул; Марина не малина, в одно лето не опадет; Красное моя ягодка, яблочко наливчатое; Хмелинушка тычинки ищет, а девица парня*.

Характерно **уподобление болезненному состоянию человека**, его самоощущению, симптомам болезни (*тошнота, головокружение, зубная боль, сухота*): *Ох охонюшки, тошно без Афонюшки; Тошно тому, кто постыл кому, тошнее тому, кто мил кому; Вместе скучно, а розно тошно; Нет тяжелее на свете — зубной болести да девичьей сухоты; Милый не злодей, а иссушил до костей; Навела девка сухоту*.

Реакция сердца, души на любовь очень сходна с реакцией тела на тепло: *Ум истиною просветляется, сердце любовью согревается; Теплое сердечко — ласковое словечко*. Тепло является сигналом, знаком, показателем любви, ее атрибутом. Отсутствие любимой/любимого ассоциируется с холодом: *Без тебя, мой друг, постеля холодна, одеяло заиндеVELO; Без любимого и мир постыл*.

Пословицы и поговорки, в основе которых лежит признак «тепло–холод», могут состоять из двух частей — «события» и «прогноза». По языковому оформлению такие единицы приближаются к народным приметам: *Тепла рука у милого, так любит. Тепла рука милого — «событие», любит — «прогноз».*

Любовь ассоциируется с речью, мышлением, памятью: *Взглянет, что огнем опалит, а слово молвит, рублем подарит; Одна думка, одно и сердце; Люби да помни; Он с нею и себя не помнит (и нас не поминает); Старая любовь долго помнится.* В ассоциациях, связанных с пониманием и знанием, парень проявляет себя в одних отношениях, а девушка (девка) — в других: *У парня догадка, у девки смысл; Девка ничего не знает, а все понимает; Девка — немка: говорить не умеет, а все понимает; Что девушка не знает, то ее и крадут.*

Одни и те же признаки выражаются то предметно, то «акционально», то посредством зрительных, вкусовых и др. образов. Так, семантика чистоты, непорочности, девичьей чести формируется разными средствами: *И рада б идти (замуж), да зад в дегтю; Распишу тебе ворота дегтем; Девка хороша, да слава не хороша; Девушка не травка, не вырастет без славки; Тонкую нитку ведет, да худую славу кладет; Собака гуляла, да хвост подгуляла; Отец был Флора, а детки Миронычи; Коза во дворе, так козел через тын глядит; Где козы во дворе, там козел без зову в гостях; Парню другое дело. На парне все та же шапка; Хорош соболек, да измят. Береги до венца; Бабьему хвосту нет посту; У кого на уме молитва да пост, а у него бабий хвост.*

Разными средствами утверждается ценностный характер любви (*Деньги прах, одежда тоже, а любовь всего дороже; Нет ценности супротив любви*), жертвенность, готовность прощать, терпение, смирение (*Для милого и себя не жалко; За милого и на себя не поступлюсь; Оттого терплю, что больше всех люблю; Смиренье — девичье ожерелье; Девичье терпенье жемчужно ожерелье*).

Подведем итоги

Любовь в пословицах и поговорках концептуализируется через различные «способы окольного выражения» [DAL' 1997, 7] — зрительные, вкусовые, зоонимические, пищевые, растительные и другие образы.

Зрительные и вкусовые «регистры» восприятия, которыми наделяется *любовь*, доминируют над слуховыми. «Регистра» запахов для осмысления *любви* в пословицах и поговорках не существует.

Зрение — главный ориентир человека в любви. Женщина в глазах *милого* видит выражение «скрытых смыслов» и «намек» (*Речисты у милого глаза*). Мужчина не видит «намеков» и не замечает «деталей».

«Вкусовая» концептуализация любви имеет два полюса: семантический плюс (*сладкое и соленое*) и семантический минус (*несладкое, пресное, безвкусное*). Семантика *горького* и *кислого* не характерна, хотя такая семантика широко распространена в качестве вкусового кода в народной культуре [GURA 2011; КАВАКОВА 2005].

Продуктивным способом осмысления любви является ее «опредмечивание». Любовь наделяется признаками, которые свойственны украшениям, предметам одежды, сельскохозяйственным орудиям и т. д. Механизм «опредмечивания» предельно оценочен (*Мое сердце в тебе, а твое в камени; Смиренье — девичье ожерелье*).

Для зоонимического кода существенное значение имеет противопоставление «чистых» животных и птиц (*агнец, голубь, горлица, лебедь, пава* и др.) зловещим птицам (*сова, кукушка*) и нечистым животным (*коза, козел*).

Любовь рассматривается «акционально» — в «призме» различных действий, обычно ритуального характера (например, *смотрины невесты, сватовство, венчание* и др.): *Жених на двор, а пяльцы на стол; Занавестилась дочь, так росписи готовь*.

Одни и те же признаки выражаются то предметно, то «акционально», то посредством зрительных, вкусовых, зоонимических и др. образов (например, ценностный характер любви, жертвенность, смирение, сострадание, жалость и др.).

Любовь осмысливается через оппозиции *зрение — слепота, сладкий — несладкий (пресный), «чистый» — «нечистый», тепло — холод, честь (девичья) — бесчестье, моральный — аморальный, здоровье — болезнь, любовь — нелюбовь* и др., посредством которых утверждаются нравственные ценности и установки.

Семантические признаки, которыми наделяется любовь, складываются в единую систему взглядов и представлений, языковую картину мира.

Библиография:

- APRESJAN, Ju. D. (2002): *Ljubit', obožat'*. In: APRESJAN, Ju. D. (red.): *Novyj ob"jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka*. Moskva, s. 522–526.
- APRESJAN, Ju. D., APRESJAN, V. Ju. (1993): *Metafora v semantičeskom predstavlenii èmocij*. *Voprosy jazykoznanija*, 1993, № 3, s. 27–35.
- BALAŠOVA, Je. Ju. (2004): *Koncepty ljubov' i nenavist' v russkom i amerikanskom jazykovych soznanijach*. *Avtoreferat dis. ... kandidata filologičeskich nauk*. Saratov.

- DAL', V. I. (1996): *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka*. V 4 t. T. 2. Sankt-Peterburg.
- DAL', V. I. (1997): *Poslovice i pogovorki russkogo naroda*. Sankt-Peterburg.
- FLORENSKIJ, P. (1990): *Stolp i utverždenije Istiny*. Moskva.
- GURA, A. V. (1997): *Simvolika životnyh v slavjanskoj narodnoj tradicii*. Moskva.
- GURA, A. V. (2011): *Brak i svad'ba v slavjanskoj narodnoj kul'ture. Semantika i simvolika*. Moskva.
- KABAKOVA, G. I. (2005): *O sladkich pocelujach i gor'kich slezach*. In: KABAKOVA, G. I., KONT, F. (red.): *Telo v rusškoj kul'ture*. Moskva, s. 66–77.
- LEPICHINA, L. N. (2009): *Frazeologizmy so značenijem ljubvi v rusškom i anglijskom jazykach*. Avtoreferat dis. ... kandidata filologičeskich nauk. Moskva.
- SEDAKOVA, I. A. (2018): *Koncept ljubov' v ètnolingvističeskom osveščeenii (na bolgarskom i inoslavjanskom materiale)*. In: TOLSTAJA, S. M. (red.): *Slavjanskoje jazykoznanije. XVI Meždunarodnyj s'jezd slavistov. Doklady rossijskoj delegacii*. Moskva, s. 472–490.
- SKLJAREVSKAJA, G. N. (2013): *Koncept ljubov' v christianskom ponimanii: popytka leksikografičeskogo opisanija (predvaritel'nyje zametki)*. In: KRASNYCH, V. V., KOVŠOVA, M. L. (red.): *Jazyk, soznanije, kommunikacija*. V 59 vyp. Vyp. 46. Moskva, s. 104–112.
- STEPANOV, Ju. S. (1997): *Konstanty. Slovar' rusškoj kul'tury. Opyt issledovanija*. Moskva.
- TOLSTAJA, S. M. (2010): *Semantičeskije kategorii jazyka i kul'tury. Očerki po slavjanskoj ètnolingvistike*. Moskva.
- TOLSTAJA, S. M. (2012): *Liki ljubvi v zerkale slavjanskich jazykov*. In: APRESJAN, Ju. D. (red.): *Smysly, teksty i drugije zachvatyvajuščije sjužety. Sb. statej v čest' 80-letija I. A. Mel'čuka*. Moskva, s. 587–597.
- ŠIROKOVA, I. A. (2006): *Èmocional'nyj koncept ljubov' v idiosstile A. S. Puškina (na primere stichotvornych proizvedenij i ich perevodov na nemeckij jazyk)*. Avtoreferat dis. ... kandidata filologičeskich nauk. Tjumen'.
- ŠMELEV, A. D. (2002): *Ljubov' i sčast'je*. In: ŠMELEV, A. D.: *Rusškaja jazykovaja model' mira. Materialy k slovarju*. Moskva, s. 170–180.
- VENDINA, T. I. (2007): *Ljubov'*. In: VENDINA, T. I. (red.): *Iz kirillo-mefodijevskogo nasledija v jazyke rusškoj kul'tury*. Moskva, s. 219–270.
- VEŽBICKAJA, A. (1996): *Jazyk. Kul'tura. Poznanije*. Moskva.
- VIL'MS, L. Je. (1997): *Lingvokul'turologičeskaja specifika ponjatija ljubov' (na materiale rusškogo i nemeckogo jazykov)*. Avtoreferat dis. ... kandidata filologičeskich nauk. Volgograd.
- VORKAČEV, S. G. (1995): *Nacional'no-kul'turnaja specifika koncepta ljubvi v rusškoj i ispanskoj paremiologii*. *Filologičeskije nauki*, 1995, № 3, s. 124–140.

- VORKAČEV, S. G. (2007): *Ljubov' kak lingvokul'turnyj koncept*. Moskva.
- ZALIZNJAK, A. A. (2005): *Ljubov' i sočuvstvije: k probleme universal'nosti čuvstv i perevodivosti ich imen*. In: ZALIZNJAK, A. A., LEVONTINA, I. B., ŠMELEV, A. D. (red.): *Ključevyje idei ruskoj jazykovej kartiny mira*. Moskva, s. 205–226.
- ZALIZNJAK, A. A. (2013): *Ljubov' i sočuvstvije v romane Milana Kundery «Nevynosimaja legkost' bytija»*. In: ZALIZNJAK, A. A.: *Ruskaja semantika v tipologičeskoj perspektive*. Moskva, s. 431–437.
- ZALIZNJAK, A. A., LEVONTINA, I. B. (2005): *S ljubimymi ne rasstavajtes'*. In: ZALIZNJAK, A. A., LEVONTINA, I. B., ŠMELEV, A. D. (red.): *Ključevyje idei ruskoj jazykovej kartiny mira*. Moskva, s. 226–238.

About the author

Gigla Dzhyndzholiia, University of West Bohemia, Faculty of Education, Department of Russian and French Language, Pilsen, Czech Republic, giglad.17@gmail.com

